

Очерки Алтая.

II.

Бурханизм или „ак-янг“ (бѣлая вѣра) на Алтайѣ.

Тридцать двѣ пуговицы можешь-ли застегнуть зараз?
Ученіе Бурхана можешь-ли скоро понять?
Шестъдесятъ четыре пуговицы можешь-ли застегнуть сразу?
Закон Бурхана можешь-ли исполнять в совершенствѣ?
Изъ пѣсенъ „ярлыкчи“ (проповѣдника бурханизма).

В предыдущем очеркѣ я вскользь коснулся могучаго религіознаго движенія, четырнадцать лѣтъ тому назад всколыхнувшаго Алтай, — бурханизма или ак-янг (бѣлая вѣра), как называютъ его сами алтайцы.

В настоящей статьѣ дана сводка тѣх свѣдѣній о бурханизмѣ, какія я нашелъ в отчетахъ алтайскихъ миссіонеровъ, газетныхъ статьяхъ и в собственныхъ замѣткахъ. Я воспользовался также в качествѣ матеріаловъ двумя докладами, изъ которыхъ одинъ „Изъ впечатлѣній во время поѣздки в Алтай в 1904 г.“ былъ прочитанъ Д. А. Клеменцемъ в Географическомъ О-вѣ в Петроградѣ, а другой „О столкновеніи между калмыцкимъ и русскимъ населеніемъ в горномъ Алтайѣ лѣтомъ 1904 г.“ в Алтайскомъ Подъотдѣлѣ Географическаго О-ва в Барнаулѣ — М. К. Барсовымъ.

I.

В маѣ и іюнѣ 1904 года Алтай глухо волновался. Среди русскаго населенія носились тревожные слухи о какомъ-то движеніи инородцев-алтайцевъ. Дѣйствительно, поведеніе мирныхъ до сихъ поръ «алтай-кижи» становилось загадочнымъ. Прежде всего бросалось в глаза, что алтайцы стали проявлять необычайную расточительность. Какъ будто по чьему-то приказу, они во что-бы то ни стало старались сбыть русскія деньги. В продолженіе почти цѣлой недѣли в селахъ центральнаго Алтая: — в Онгудаѣ, Туектѣ и Хабаровкѣ шла непрерывная торговля. Алтайцы на наличныя деньги закупали всевозможные товары. Особенно большой спросъ былъ на порохъ, чай и матеріи желтаго и синяго цвѣтовъ. Богачи не только безъ счета швыряли деньгами по лавкамъ, но раздавали ихъ бѣднякамъ даромъ. Рассказываютъ, что калмыкъ Буйдыш роздалъ 1600 р., а Аднай даже 6000 рублей.

Свои жилища алтайцы стали переносить на новыя мѣста. Внѣшній вид алтайских аилов измѣнился. Прежде непременной принадлежностью каждаго аила были „тайлгá“. Это шкуры убитых при камланіи лошадей, натянутыя на наклонно укрѣпленные в землѣ кольца. Впереди их, между двумя воткнутыми в землю березками, протягивалась веревка с узенькими ленточками разноцвѣтной бязи. Теперь „тайлгá“ исчезли. Но за то около юрт на березках и внутри юрт стали развѣваться желтыя и синія ленты, тогда как раньше модными цвѣтами считались красный и бѣлый. На каждой юртѣ появился флаг из бѣлой кочмы. Черный цвѣтъ настолько вышел из моды, что алтайцы перестали держать овец с черной шерстью. В домашнем обиходѣ алтайцев тоже замѣтны были перемены: русская одежда и домашняя утварь русскаго типа исчезли; бросалось все, что напоминало о русском укладѣ жизни. Вошли в моду желтые воротники и бѣлыя шапки, украшенныя синими кисточками. Камланіе прекратилось. Гул шаманских бубнов замолк чуть ли не повсюду в долинах Алтая. Жертвенныя кожи и бубны сжигались. „Курмежеки“ (домашніе божки) были выброшены из юрт. Алтайцы стали замѣтно избѣгать общенія с русскими и крещеными инородцами. При встрѣчах привѣтствовали друг друга словом „якши“ (хорошо) вмѣсто прежняго „эзень“ (здравствуй). Наконец, разнесся слух, что алтайцы собираются на какія-то таинственныя совѣщанія по р. Кырлык, в верховьях р. Ябаган. Одни говорили, что у алтайцев появилась новая вѣра „ак-янг“ (бѣлая вѣра); другіе, — что алтайцы возстали против русских. Нѣкоторые утверждали даже, что алтайцев собралось до 30.000 и что у них есть пушки. Боялись нападенія со стороны алтайцев. Мѣстами среди русскаго населенія возникла паника. Из нѣкоторых горных селеній крестьяне, под вліяніем тревожных слухов, бѣжали. Из Абая, напримѣр, крестьяне направились к Черному Аную, за 90 верст. В Сентелекѣ крестьянами были приготовлены воза с имуществом для бѣгства.

Молва называла уже и имя калмыцкаго вождя. Это был бѣдный пастух Чет Челпанов, долго жившій в Монголіи. Он разъѣзжал по Алтаю с проповѣдью новаго ученія и принес алтайцам радостную вѣсть о том, что Бурхан прислал долгожданнаго Ойрот-хана. Он уже пришел к своему народу, но пока является только ему одному и его пріемной дочери. Пріемыш Чета, дѣвочка лѣтъ 12, по имени Чегуд, увѣряла всѣх, что она часто видит Бурхана. В бѣлой одеждѣ и на бѣлом конѣ он разъѣзжает то по землѣ, то по воздуху.

Проповѣдь Чета произвела на алтайцев потрясающее впечатлѣніе. Они толпами стекались к Чету в указанное им мѣсто — лог „Теренг“ по рѣчкѣ Кырлыку, на пути из Усть-Кана в Абай. Приверженцы Чета распространяли слухи, что он обладает даром исцѣлять болѣзни. Рассказывали, что он одну женщину исцѣлил от внутренней болѣзни, а другой — слѣпой — даровал

зрѣніе. Он, по волѣ Бурхана, может даже повелѣвать стихіями, и однажды, по слову Чета, послушник его велѣній был поражен молніей.

Чету приносили подарки, деньги; пригоняли скот. Чет принимал своих послѣдователей в юртѣ, специально построенной для него из лучшей бѣлой кошмы (войлока). Был устроен жертвенник. Перед ним день и ночь совершались моленія. Никто посторонній сюда не допускался. Говорят, будто бы Чет Челпанов преслѣдовал тѣх алтайцев, которые не хотѣли вѣрить ему. Их схватывали и по приказанію Чета наказывали. Особенно сурово относился Чет к камам. Он заставлял их таскать камни в наказаніе за то, что они обманывали народ.

Повидимому, власти в волненіях алтайцев видѣли сначала исключительно религіозное движеніе. Вот почему мѣры против этих волненій принимаются сперва не гражданскими властями, а Алтайской духовной миссіей.

В іюнѣ начальник Алтайской миссіи, бійскій архіерей, отправил к алтайцам для увѣщанія благочиннаго миссіонерскихъ церквей и усть-канскаго миссіонера. Но миссія их окончилась ничѣм: на нѣкоторомъ разстояніи от мѣста сборища их встрѣтила депутація от алтайцев в числѣ 11 человекъ. Увѣщанія были безрезультатны. Алтайцы продолжали собираться. Тогда полиція отдала обычный приказъ „разойтись“. Но робкіе алтайцы, до сих пор дрожавшіе передъ людьми, одѣтыми в форменную одежду, на этотъ разъ проявили неожиданное упорство: не разошлись. В глазахъ полиціи фактъ возмущенія былъ на лицо. Губернаторъ отдаетъ распоряженіе подавить „бунтъ“ и арестовать Чета Челпанова и другихъ „зачинщиковъ“. Арестъ предполагалось произвести при помощи мѣстнаго русскаго населенія. Для этого к 21 іюня в Усть-Кан собралось от 1000 до 2000 человекъ. Многіе явились с оружіемъ. Для этой толпы необходимо было достать продовольствіе. Дѣлалось это просто: отбирали скотъ у окрестныхъ алтайцев.

В полночь 21 іюня (по другимъ свѣдѣніямъ—18 іюня) жуткая тишина алтайской ночи в Усть-Канѣ была нарушена колокольнымъ звономъ. В Усть-Канской Никольской церкви епископъ бійскій Макарій служитъ торжественный молебенъ с водосвятіемъ. Произносится напутственное слово. Из собравшихся выдѣляется отрядъ в 150 человекъ. Почти половина отряда состоит из алтайцев, настроенныхъ к Чету враждебно. Они имѣли повязки из краснаго ситцу на рукавахъ или шапкахъ, для отличія отъ тѣх, которыхъ предполагалось арестовать. Отрядъ с полицейскими и администраціей во главѣ направился к логу Теренгъ. За ними потянулись и всѣ остальные. Подошли къ мѣсту скопища алтайцев. Отрядъ направился къ стоянкѣ Чета, а остальные остановились на нѣкоторомъ разстояніи от Теренга. В это время с другой стороны появились толпы крестьянъ из Уймона с полицейскимъ урядникомъ во главѣ и напали на алтайцев. Произошла свалка. Раздались выстрѣлы. Безоружные алтайцы не могли защищаться. Многіе

упали или съли на землю и молили о пощаде. Нѣкоторые притворились мертвыми, чтобы избѣжать насилій. Стали искать Чета. Он был найден под грудой овчинных шкур. При поисках крестьяне жестоко били алтайцев. Пролилась кровь. У одного алтайца была раздроблена голова. Многие лежали без чувств на землѣ. Кое-как полицейским и администраціи удалось остановить кровавую расправу.

При обыскѣ у Чета были найдены буддійскія книги и амулеты. Были арестованы Чет Челпанов с женой и воспитанницей, монгольскій лама, зайсаны 2-й и 3-й дючины и человек 30 алтайцев. Захваченный с Четом лама увѣрял, что он прїѣзжал на Алтай только для лѣченія больных. Арестованных привязали к сѣдлам и привезли сначала в Усть-Кан, а затѣм отправили в бійскую тюрьму.

Разогнав алтайцев, крестьяне принялись грабить калмыцкія стойбища. К русским присоединились и киргизы. Было угнано много калмыцких лошадей. Крестьяне, захватывая лошадей, ссылались на то, что их собственныя лошади «притомились». Администрація не препятствовала этому, ставя лишь условіем возвратить лошадей по минованіи в них надобности. Едва ли это условіе было выполнено, так как никакой регистраціи захваченных лошадей не велось.

В Бійскѣ арестованных по дѣлу Чета Челпанова, между прочим, допрашивал Макарій, епископ томскій и барнаульскій. Из разсказов самого Чета Челпанова выяснилось, что ни в его ученіи, ни в его поступках ничего противогосударственнаго или противообщественнаго не было. В своих дѣйствіях он руководился указаніями своей воспитанницы, 12-лѣтней дѣвочки-сироты, которая пасла у него овец. Она получала откровенія от бога Бурхана.

Воспитанница Чета, Чегул, отвѣчала на вопросы архіерея смѣло. Она разсказала, что однажды в полѣ ей явился нѣкто с бѣлой бородой, в бѣлой одеждѣ, верхом на бѣлом конѣ. Он приказал объявить о прекращеніи камланія. Непослушным грозил наказаніями: ослушники будут поражены молніей; их могут постигнуть всевозможныя бѣдствія. Имени своего явившійся ей не объявил. На вопрос архіерея: «не говорил ли явившійся об Ойрот-ханѣ?»—дѣвочка отвѣтила: «не знаю». Зайсан 3-й дючины Ташкын Самачин-уулы на допросѣ тоже дал показаніе, что ученіе Чета Челпанова носило чисто религіозный характер.

18 мѣсяцев просидѣл Чет Челпанов в тюрьмѣ. Наконец, Чета приводят в окружный суд. Но суд не нашел в его дѣйствіях состава преступленія и объявил его по суду оправданным. Из бійской тюрьмы Чет вернулся в родныя горы. Печально было это возвращеніе. Из его имущества не осталось ни кола, ни двора. Конечно, бурханисты-алтайцы помогли ему, и его несложное хозяйство по немногу наладилось.

Прослѣдить дальнѣйшую судьбу Чета мнѣ не удалось. В миссіонерских отчетах есть упоминаніе о том, что Чет вмѣстѣ с воспитанницей и с одним из столпов бурханизма Трьем (Трий—алтаец из долины р. Большой Улегем или Большой Ульгумень) пріѣзжал лѣтом 1906 года к выходцу из Монголіи «кегену» или «гегену», поселившемуся сначала в 40 верстах от пикета Юстыд, а потом откочевавшему опять в предѣлы Монголіи, к озеру Цаган-нор. Чет хлопотал о том, чтобы отдать свою воспитанницу Чегул в жены гегену. Но геген соглашался оказать эту честь Чету только за 800 рублей. Чегул ѣздила за деньгами в Алтай, но собрать такой суммы не могла.

II.

В какой обстановкѣ и как проповѣдывал Чет Челпанов?

По внѣшности он отличался от других алтайцев только тѣм, что к своей косѣ привѣсил вмѣсто одной кисти четыре и носил шапку особаго покроя. Но все же он окружил себя нѣкоторой таинственностью и лишь изрѣдка показывался своим послѣдователям. За него говорила с народом его пріемная дочь. Она выѣзжала на бѣлом конѣ и бойко произносила рѣчи.

По словам самого Чета, новая вѣра—в сущности старая, но забытая вѣра предков. Раньше народ молился только одному доброму Бурхану. Забудешь ему помолиться—не взыщет. Но шайтан не дремал. Он постоянно донимал человѣка разными напастьми: то болѣзнь найдет, то падеж скота. Поневолѣ народ стал стараться умилостивить злого шайтана кровавыми жертвами, а про доброго Бурхана забывал. Но теперь настала пора опомниться.

Есть только один бог—Бурхан, и только ему слѣдует поклоняться. Камы, проповѣдующіе об Эрликѣ и других богах,—обманщики. В доказательство этого Чет собрал бубны, составляющіе необходимую принадлежность камланія, сложил их в кучу и зажег. С любопытством и страхом алтайцы ждали результатов такого кощунства. Костер вспыхнул. Бубны сгорѣли. Но злой Эрлик ничѣм не проявил себя. Алтайцы получили наглядное и убѣдительное доказательство полного безсилія Эрлика и его прислужников камов. Авторитет Чета теперь был упрочен вполне: он сильнѣе камов. Число его послѣдователей стало быстро увеличиваться.

Чет учил, что для моленій и поклоненія единому богу Бурхану надо избирать открытыя мѣста. На мѣстах моленій, а также около юрт слѣдует ставить березки и украшать их лентами желтаго, синяго и бѣлаго цвѣтов. Мѣста эти священны: здѣсь нельзя ни пить арачку, ни курить табак. Кровавыя жертвы недопустимы. Сжиганіе арчина (вереска), брызганье молоком или вином, приношеніе творога—вот жертвы, пріятныя бѣлому Бурхану. Черный цвѣтъ—символ шайтана, и потому надо избѣгать держать черных овец.

Тѣм, кто не послѣдует за ним, Чет грозил суровым возмездіем: горы будут трястись и разсыпаться, а долины будут залиты водой. Чтобы спастись, надо молиться три раза в день: утром, в полдень и вечером. И тогда Ойрот-хан будет ѣздить на бѣлом конѣ по горам и долам Алтая и спасет всѣх, принявших бѣлую вѣру. Послѣдователей Чета он надѣлит всякими благами: продлит жизнь, даст дѣтей, умножит скот.

Принявшіе бѣлую вѣру при в ходѣ в юрту своих единовѣрцев оборачиваются три раза вокруг себя; кланяются священным изображеніям, бросают вереск в огонь очага, и только послѣ этого обращаются с привѣтствіем к хозяевам юрты. При этом подают друг другу вѣточку вереска.

Об обрядах бурханистов может дать нѣкоторое представленіе слѣдующее описаніе моленія бурханистов, устроеннаго по случаю болѣзни одной алтайки. Заимствую это описаніе у миссіонера Постникова.

Много лошадей было привязано у воткнутой в землю березы. Как березы, так и лошади были украшены синими, бѣлыми и желтыми лентами. Калмыков собралось человекъ 70. Главное моленіе на дворѣ уже кончилось. Предстояло моленіе в юртѣ. Каждый из находившихся в юртѣ стоял и держал в руках вереск. На почетном мѣстѣ полулежал калмыкъ лѣтъ 25—27. Бѣлая конусообразная с кистями на верху шапка доказывала, что это ярлыкчи. Муж больной дѣлал приготовленія к моленію: налил в двѣ чашки кобыльего молока и, положив в каждую ложку, поставил их около ярлыкчи. Ярлыкчи, встав, зачерпнул ложкой молоко и, бросая его на священныя ленты, стал говорить молитвенныя слова; из другой чашки хозяин юрты зачерпывал молоко и бросал его вмѣстѣ с ярлыкчи; а народ тут, бросив каждый вѣтку вереска в огонь, кланялся и дѣлал поворот в лѣвую сторону. Молитвенныя слова читались речитативом, скоро и без остановок. Казалось, что говорящій не набирал для дыханія воздуха. Затѣм ярлыкчи и молящіяся, обратившись к огню, кланялись. Чтеніе молитв и поклоненіе огню повторялось до 4 раз.

Примѣшивались ли к ученію Чета какія-либо политическія тенденціи? Не было ли оно угрозой существующему порядку? Как сказано выше, окружной суд в Бійскѣ, судившій Чета Челпанова, не нашел в его ученіи ничего противоправительственнаго и оправдал его. Дѣйствительно, алтайцы и не думали о возстаніи, и только молились, призывая своего Мессію, Ойрот-хана, придти и избавить их от власти русских.

III.

Откуда Чет заимствовал свое ученіе? Кажется, оно носит слѣды буддійскаго вліянія. Сам Чет долго жил в Монголіи. При арестѣ Чета вмѣстѣ с ним был захвачен монгольскій лама; найдены буддійскія книги.

Есть указанія на то, что дѣвочка Чегул часто уходила и уѣзжала для свиданія с скрывавшимся гдѣ-то монгольским ламой. Туда же иногда тайком ходила жена Чета. Да и сам Чет ѣздил куда-то всегда один, но обыкновенно с сумами, набитыми разными подарками.

Бурханисты приняли обряды ламаизма: почитаніе ламайских изображеній, возжиганіе перед ними лампад, брызганье молоком, сжиганіе вереска. Самое слово «Бурхан» заимствовано с монгольскаго языка; а по-алтайски оно произносится «Пырхан». Приучающіеся к моленію бурханисты называются так же, как у буддистов: «Шабинор», «Падарчи» и т. п. словами, которых нѣтъ на языкѣ алтайца. Слѣдует отмѣтить, что инородцы, живущіе по Чуѣ и ея притокам, издавна находятся в постоянных сношеніях с монголами. Наши инородцы, кочуя со своими стадами, переходили,—а нерѣдко переходят и теперь,—границу. Тоже дѣлают и кочевники—китайскіе подданные. Еще сравнительно недавно кочевники чуйскаго района даже официально считались двоedanцами, т. е. платили дань и Китаю, и бѣлому царю. Неудивительно, что многіе из инородцев не только прекрасно говорят по-монгольски, но и знают монгольскую грамоту.

Посѣщая Монголію, алтайцы видѣли, какое разнообразіе вносит буддійскій культ в жизнь монгола. Кумирни со статуями и священными изображеніями... Пышныя процессіи с музыкой... Религіозныя празднества... Все это должно было произвести тѣм большее впечатлѣніе на алтайца, что, вѣдь, его собственная жизнь на Алтаѣ так блѣдна и скучна... Кромѣ того и сами монгольскіе ламы время от времени посѣщали Алтай. Известно, что еще в 80-х годах прошлаго столѣтія гдѣ-то в верховьях р. Чуи появился выходец из Монголіи, лама по имени Курень-батырь. Он устроил кумирню и проповѣдывал буддизм. В началѣ 90-х годов понадобились даже административныя мѣры для прекращенія пропаганды буддизма, которая велась выходцами из Монголіи. Впрочем, из буддизма бурханизм заимствовал, повидимому, только внѣшнюю, обрядовую сторону, самое же ученіе буддизма осталось ему чуждо. В бурханизмѣ вообще переплелись древнія преданія алтайцев с ученіем буддистов.

IV.

Не был ли Чет Челпанов хитрым обманщиком? Не эксплуатировал ли он сознательно темноту и невѣжество своих сородичей, ловко использовавъ в своих личных выгодах настроеніе алтайскаго народа? Такой взгляд был высказан М. К. Барсовым в его докладѣ Алтайскому Подъотдѣлу Географическаго О-ва. Но никаких сколько-нибудь убѣдительных доводов в пользу своего взгляда докладчик не привел. Правда, Чет принимал подарки. Но развѣ они не могли быть добродетельными приношеніями, охваченнаго могучим порывом народа? Развѣ богачи под вліяніем этого порыва не раздавали тысячами денег бѣднякам даром?... Не слѣ-

дует ли видѣть в Четѣ Челпановѣ апостола, вдохновеннаго пророка, который, подобно великим основателям религій, мог „глаголом жець сердца людей“? Или, быть может, его личность отличалась каким-то особым обаяніем, которое неволью влекло к нему сердца алтайцев? Нѣтъ, это был простой бѣдный пастух, безграмотный, или, быть может, знакомый лишь с монгольской грамотой. Ничего выдающагося ни в наружности, ни в нравственном обликѣ. Калмык, как калмык. „Высокій, сильный, малоподвижный, самый обыкновенный, даже в глазах нѣтъ ничего особеннаго“, говорит про него Вяч. Шишков в своих очерках „По Чуйскому тракту“. „Он производит впечатлѣніе нервнаго, забитаго и несчастнаго алтайскаго пролетарія-оборванца. Ничего нѣтъ в нем особеннаго, чтобы выдѣляло бы его из общей массы. Обращают на себя вниманіе одни лишь глаза—большіе, черные, открытые, непохожіе на раскосые калмыцкіе глазки. В них свѣтится что-то, не пророческое и не фанатическое, нѣтъ. В них видна одна скорбь, быть может, еще тихая ласковость“. Вот отзыв другого наблюдателя Р. Л. в газетной статьѣ «Бурханизм на Алтаѣ».

В чем же сила проповѣди Чета Челпанова? Почему алтай-кижи довѣрчиво пошел за ним? Почему простыя и, казалось, не новыя слова его нашли так легко отзвук в душѣ алтайца?

Обстоятельства для этого сложились необычайно благоприятно.

Припомним, что мы сами переживали в 1904 году. В политической и общественной жизни чувствовалось дыханіе весны. В неясных, правда, очертаніях, но нам рисовалось свѣтлое будущее. Колебались устои вѣковѣчной, казалось, прочности. Как ни отдален Алтайскій край от культурных центров, но и до него докатилась волна общественнаго движенія, хотя и ослабла в своем размахѣ. То, чѣм жил тогда русскій народ, своеобразно преломилось в умѣ алтайца. И на это были свои спеціальныя причины. Недавнее прошлое и настоящее алтайскаго народа—безотраднo. Ужасающая бѣдность среди сказочных богатств Алтая—обычный удел алтайцев. Земельное утѣсненіе алтайцев достигло крайняго предѣла, и дальше, казалось, идти некуда. Со стороны русскаго населенія алтаец встрѣчал лишь надменно пренебрежительное отношеніе: в глазах русских алтайцы не такіе же люди, как всѣ, а «орда». И алтай-кижи при всей своей неразвитости чувствовал это. Эти горькія чувства отразились в его пѣснях. Вот какіе весьма нелестныя для русских мотивы звучат в алтайских пѣснях:

„Строющій дом о четырех углах топор остер.

Сорок племен угнетающій русскій народ сердит“.

„В домах рыжих русских не будем ѣсть и пить,
Снимая шапки по их обычаю.

Дунет вѣтер,—и пожелтѣвшей травы как не бывало.

Придет время,—и рыжих русских не станет на Алтаѣ“.

„Из 6 луков стрѣлять будем,
 Русскаго народа не станет.
 Из 10 луков стрѣлять будем,
 Русскій народ исчезнет“.

Приведенныя строки из пѣсен, распѣваемых на Алтаѣ проповѣдниками бурханизма («ярлыкчи»), достаточно характеризуют тѣ чувства, которыя возбудили пришельцы русскіе в природных хозяевах Алтая.

Но неужели алтайцы не могут найти защиты у администраціи? Пробовали.... Обращались и к своим зайсанам, но это были богатые люди, а „сытый голоднаго не разумѣет“. Жаловались и чиновникам разных рангов, но

«Губернаторским чиновникам что нужно?
 Конь в серебряных вожжах нужен?»

Отсюда прямой вывод, что толку от начальства мало для алтайца, а потому—

«С Руси привезенная литовка пусть не косит
 нашу зеленую траву.

На подводах пріѣзжающіе к нам чиновники
 пусть не издѣваются над нашим народом»,—
 говорится в пѣснях ярлыкчи.

Казалось бы, он мог найти защиту и утѣшеніе у представителей алтайской православной миссіи. Представлялся прекрасный случай примѣнить на практикѣ завѣты Христа. Но миссіонеры уклонились от благородной роли ходатаев за угнетенных. Напротив, их нетерпимость больно задѣвала алтайца. Миссіонеры запрещали инородцам-язычникам устраивать моленія и совершать какіе-либо религіозные обряды ближе 5-ти верст к мѣсту миссіонерскаго стана или поселенія, или даже просто к тому мѣсту, гдѣ миссіонеры водрузили крест. Неудивительно, что крест для алтайца был символом угнетенія.

Дѣятельность миссіонеров, очевидно, шла по ложному пути. Не даром в пѣснях алтайцев мы находим весьма неуважительный отзыв о миссіонерах:

«Каменный дом о восьми комнатах не есть дом.
 Русская сѣрянка не есть огонь.
 Косматый поп не есть человек».

Не находил алтай-кижи утѣшенія и в своей собственной религіи

Напротив, шаманизм со своим мрачным культом и кровавыми жертвами тяжелым кошмаром навис над религіозным сознанием алтайца. Образ кроткаго и добраго Ульгена как-то потускнѣл под влияніем всякаго рода напастей и невзгод, насылаемых злым

Эрликом. А умилостивить его стоит очень дорого. Надо пожертвовать тѣм, что особенно цѣнно для кочевника: лошадей, скотом. И, вѣдь, это всякій раз, как Эрлику вздумается дать знать о себѣ. Да и как узнать, чего хочет этот самый ненасытный Эрлик. Об этом не дано знать бѣдному алтай-кижи. Про то извѣстно лишь камам (шаманы). Ну, а кам не будет же «камлатъ» даром. Он тоже потребует себѣ награды, и не малой... Плохо, очень плохо живетъ алтайцу. Но не всегда так было. Из рода в род, от поколѣнія к поколѣнію переходили преданія о том, что когда-то на Алтай был добрый царь Ойрот. То был золотой вѣкъ для Алтая. Легко и привольно жилось тогда народу. Умирая, Ойрот обѣщал вернуться на Алтай. И надежда на его возвращеніе всегда таилась в душѣ алтайца. И вот, когда под гром японских пушек вся Россія волновалась ожиданіем чего-то новаго и лучшаго, и алтай-кижи не мог остаться равнодушным. И он стал думать о лучшей долѣ, а она в его представленіи связывалась с пришествіем на Алтай Ойрот-хана.

Вот каково было настроеніе алтайцев, когда выступил с своей проповѣдью «бѣлой» вѣры Чет Челпанов. Ясно, что успѣх этой проповѣди был обезпечен заранѣе. На столь хорошо подготовленной почвѣ зерно новаго ученія должно было дать и дало пыл ный рост. Чет, вѣдь, и начал с того, что призывал вернуться к старой, но забытой вѣрѣ предков. А древнія преданія алтайцев, связанныя с этой вѣрой, и так уже начали оживать под влияніем событій. И то, что было наиболее привлекательно в этих преданіях, не отменялось новым ученіем. Далѣе, Чет призывал отказаться от камланія и камов. Но это как нельзя лучше совпадало с хозяйственными разсчетами алтайца, так как кровавыя жертвы ложились непосильным бременем на убогое хозяйство кочевников и в корень его подрывали. «Протест шаманистов против жадности богов всегда существовал», говорит Г. Н. Потанин: «но в руках протестующих было одно только средство: вѣрующій шаманист вступал в переговоры с богами при посредствѣ шамана; он торговался с богами, горячо спорил с ними, стыдил их и выражал свое негодованіе. Когда шаман объявлял вѣрующей хозяйкѣ дома, сколько кровавых жертв требуют боги, вѣрующая женщина вмѣшивалась в разговор иногда с такими энергичными словами: «Ах, вы подлые, безстыжіе! Вы разорить меня хотите! Мало ли скота вы у меня пріѣли? Когда же я заткну ваше широкое горло? Когда накормлю досыта ваше ненасытное, бездонное брюхо? Опомнитесь! У вас совсѣм стыда нѣтъ, обжоры вы этакіе!» Алтай-кижи давно бы и с радостью отказался бы от столь разорительнаго культа, но как быть с свирѣпым Эрликом и его могучими слугами—камами? Вѣдь страх перед ними воспитан в алтайцѣ вѣками, и, казалось, не так-то легко отдѣлаться от него забитому, обездоленному алтайскому народу. Но и это препятствіе ко времени появленія Чета Челпанова в роли проповѣдника «бѣлой вѣры» было уже почти устра-

нено. Шаманизм на Алтаѣ уже давно переживал кризис. Давно слышались жалобы на то, что мало стало на Алтаѣ хороших камов. Не прошли безслѣдно для шаманизма и постоянныя сношенія с русскими: алтайцы видѣли, что христіане не боятся шайтана и смѣются над камами. Нельзя также отрицать и нѣкотораго вліянія на міровоззрѣніе алтайцев со стороны миссіонеров. Вѣдь многіе из них сами природные алтайцы, получившіе образованіе в Бійском катехизаторском училищѣ. Миссіонеры разоблачали камов, и если им не удалось привить алтайцам высокое ученіе христіанства, то все же их критика шаманизма расшатывала вѣру в силу камов. Престиж камов замѣтно падал на Алтаѣ. Итак, алтайцы не доросли до христіанства и, крестьясь, остались в сущности язычниками, но переросли шаманизм.

Слѣдует еще упомянуть об одном, совершенно незначительном на первый взгляд, обстоятельстве, которое внушило алтайцам непоколебимую увѣренность в скором появленіи на Алтаѣ Ойрот-хана и в их глазах было непререкаемым свидѣтельством истинности Четова ученія.

У алтайцев сохранилось преданіе, что Ойрот-хан, пред своею смертью, объявил: „когда три снѣжныя сопки, из которых Катунь берет свое начало, упадут, знайте, что время моего пришествія близко“. И вот на одном из конусов Бѣлухи произошел грандіозный обвал. Вмиг облетѣла эта вѣсть горный Алтай. Скоро теперь должен явиться долгожданный Ойрот-хан. Надо немедленно убѣдиться, крѣпко ли стоят двѣ другія сопки. По совѣту вліятельнаго алтайца Чебуракова была снаряжена на Бѣлуху экспедиція для осмотра сопок. Эксперты пришли к заключенію, что одна из сопок вот-вот готова рухнуть. Очевидно, пророчество Ойрот-хана исполняется...

Итак, шаманизм явно отживал свой вѣкъ. Назрѣвала насущная потребность в новой вѣрѣ. Какія, казалось бы, благоприятныя условія для распространенія христіанства! Но погубная для алтайцев земельная политика русских властей на Алтаѣ, притѣсненія со стороны русских, отсутствіе просвѣщенія сводили на нѣтъ всю дѣятельность русских миссіонеров, которая к тому же шла по ложному пути. Христіанство плохо прививалось на Алтаѣ. Даже крещеные алтайцы, в сущности, оставались темными язычниками. Приведу слѣдующіе факты.

В 1908 году, когда я производил перепись населенія в Кемекечу на Аргутѣ, тамошній церковный староста не знал христіанскаго имени своей дочери и посылал справляться об этом в юрту. Одна женщина там же на мой вопрос, как зовут ея сына, отвѣтила, что в прошлом году пріѣзжал священник, крестил сына и дал ему имя, но какое, она забыла. В домашнем обиходѣ, очевидно, употребляются исключительно языческія имена. Церковный староста, сопровождавшій меня из Кемекечу в Кош-Агач, на од-

ном перевалѣ украдкой нарвал вереску и спрятал его за пазуху. Вереск же у бурханистов употребляется при привѣтствіях своих единовѣрцев.

В том же 1908 году в долинѣ Ян-Улагана богатый крещеный калмык говорил мосму спутнику, г. Мякишевцу, что он теперь не вѣрит в Бога. «Раньше-де вѣрил, пока был бѣден, а теперь что мнѣ? Имѣю три жены, каждый день ѣм баранину, пью арачка»... В юртѣ у него нѣсколько икон, и сам хозяин извѣстен своими пожертвованіями на улалинскую церковь...

Итак, дѣятельность православных миссіонеров на Алтаѣ большого успѣха не имѣла.

Совсѣм иное дѣло бурханизм. Проповѣдуемый не чужаками-русскими, а своими, — людьми монгольскаго племени, — он был в высшей степени понятен темному уму алтайца. Он разрѣшал волнующіе его вопросы в желанном для него смыслѣ и находил живой отклик в душѣ алтайца. Вѣдь заманчивыя мечты о пришествіи Ойрот-хана были, пожалуй, единственным ярким лучем свѣта на темном фонѣ жизни забитаго, обездоленнаго алтайскаго народа, а «чѣм ночь темнѣй, тѣм ярче звѣзды».

Неудивительно поэтому, что бурханизм широкой волной залил и продолжает заливать Алтай, захлестывая и тѣ уголки Алтая, гдѣ до сих пор был крѣпок шаманизм. И послѣ кровавой расправы с алтайцами-бурханистами в 1904 г. в логу Теренг, движеніе не замерло. Проповѣдники бурханизма «ярлыкчи» в бѣлых конусообразных шапках с кистями на тульѣ продолжают посѣщать горы и долины Алтая, проникая всюду, гдѣ дымятся аилы алтайцев. В 1908 году, по моим свѣдѣніям, кромѣ ярлыкчи, в качествѣ проповѣдниц бурханизма разѣзжали по Алтаю дѣвушки лѣтъ 12—13, под руководством отца или другого пожилого родственника. «Наше ученіе чистое, святое, наша вѣра — бѣлая вѣра («ак-янг»), говорят бурханисты: «поэтому и проповѣдуют его невинныя дѣвушки». Эти разѣзды проповѣдниц пріурочены к тому времени, «когда скот отгуляется» (на Кучурлѣ — к 9 июня). С пріѣздом проповѣдницы устраиваются моленія: воздвигается жертвенник, брызгают молоком, возжигают вереск, кланяются Бурхану, призывают Ойрот-хана. Вечером молодежь веселится: устраиваются игры; рассказываются сказки; бренчат «тапшюры»; распѣваются пѣсни.

В религіозном сознаніи алтайца совершился перелом. Грубый культ шаманизма с его многобожіем и кровавыми жертвами уходит в область преданій. Злой Эрлик посрамлен. Тяжелый кошмар, вѣками висѣвшій над духовною жизнью алтайца, разсѣялся. Добрый Бурхан открылся своему народу и посылает ему долгожданнаго Ойрот-хана. Теперь все будет опять «хорошо» в родном Алтаѣ, и это «хорошо» (якши) звучит радостным привѣтом при встрѣчах бурханистов друг с другом. Но свѣтлая радость наивных алтайцев была омрачена кровавой расправой в логу Теренг. Администрація не поняла, не хотѣла, — да в условіях

тогдашняго времени, пожалуй, и не могла — понять смысла движения, охватившаго Алтай. Никакого предварительнаго изслѣдованія при помощи ученых спеціалистов или просто компетентныхъ людей произведено не было. С движением хотѣли покончить однимъ молниеноснымъ ударомъ. Мѣры, принятыя администраціей, заслуживаютъ самаго суроваго порицанія. Но в еще большей степени должны быть осуждены дѣйствія духовной власти. И если для рядовыхъ миссіонеровъ бурханизмъ былъ жупеломъ, то верхи-то духовной миссіи должны были понять, что переходъ отъ многобожія шаманизма къ единобожію бурханизма — огромный шагъ впередъ по пути религіознаго развитія алтайцевъ и могъ бы подготовить почву и для сознательнаго усвоенія христіанства, и, слѣдовательно, распространеніе «бѣлой вѣры» надо не подавлять, а привѣтствовать. Приходится признать, что событія 1904 года на Алтаѣ составляютъ печальную страницу в исторіи Алтайской православной миссіи и мрачной тѣнью ложатся на отношенія кореннаго населенія Алтая къ русскому народу.

В. И. Верещагин.